

ТРЕНТ АРНОЛЬД

ЗИМА, КОТОРУЮ УЖЕ НЕ ВЕРНУТ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ САГА

Трент Арнольд

Зима, которую уже не вернут

«Автор»

2026

Арнольд Т.

Зима, которую уже не вернут / Т. Арнольд — «Автор», 2026

Зима — это не время года. Это состояние, в которое однаждыходишь и из которого уже не выходишь до конца. Он купил квартиру в двадцать пять. Две. Одну себе, одну на сдачу. Думал: это про будущее. Про семью. Про жизнь. Он не знал, что будет стоять в этой прихожей один, с пакетом из магазина, и не понимать, зачем пришёл домой. Она ушла в субботу. В одиннадцать. Забрала вещи. Оставила крючок, на котором висела её куртка. Оставила кран, который капал. Оставила его — одного. С пледом, который пахнет ей. С яйцом в холодильнике. С тишиной, которая гудит. Это книга о том, как человек замерзает. Медленно. Незаметно. Изнутри. И о том, что даже в самой долгой зиме есть звук — кап. Кап. Кап. — который говорит: ты ещё жив. Первая книга цикла. Текст, с которого всё началось.

© Арнольд Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Пролог	6
Глава первая. Ключи	7
Глава вторая. Суббота	8
Глава третья. Первая ночь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зима, которую уже не вернут

ОТ АВТОРА

Эта книга родилась из тишины. Из той тишины, которая наступает после того, как закроется дверь. Из той тишины, которая гудит. Из той тишины, в которой слышно, как капает кран.

Я написал «Зиму» первым. До всего. До «Гэтсби». До «Застывшего кадра». До «Лены». До «Первого шага». Я написал её, потому что не мог не писать. Слова были кислородом. Я дышал через них. Потом я закрыл ноутбук и подумал: всё. Я сказал всё. Но это было не всё. Это было только начало. «Зима» — это фундамент. Холод, из которого потом выросли все остальные книги. Скамейка, с которой потом встал герой. Кран, который потом починили. Кружка с трещиной, из которой потом пили чай. Я не правил «Зиму». Не выравнивал под общий стиль. Не подгонял. Потому что она — честная. А честность важнее стиля. Если вы здесь впервые — начните отсюда. Если вы уже читали остальные — вернитесь. Услышите, как всё начиналось. Дверь открыта. Заходите.

Трент Арнольд

Екатеринбург, 2026

Пролог

Зима — это не время года. Это состояние, в которое однаждыходишь и из которого уже не выходишь до конца. Я понял это в поезде. Вагон тянул на север, за окном стояла белая мгла, и я вдруг осознал, что еду не в город, а в собственное прошлое. Туда, где мне двадцать. Туда, где всё ещё идёт снег, которого больше нет. Я не знал тогда, что зима бывает двух видов. Первая — та, что приходит по календарю: с морозом, с инеем на ресницах, с тёплым светом из чужих окон. Вторая — та, что селится внутри. Она не тает весной. Она не спрашивает разрешения. Она просто однажды просыпается в тебе — и остаётся. Эту зиму не вернут. Не потому что её жалко. А потому что её нельзя вернуть. Она ушла вместе с людьми, которые её пережили. Вместе с той женщиной, что грела мои руки в двадцать шесть. Вместе с теми друзьями, что оказались не друзьями. Вместе со мной — тем, кто ещё умел верить в сказки. Я еду в вагоне и смотрю на белое поле. Оно ровное, как чистый лист. И я думаю: может, это и есть начало. Не продолжение. Начало. Скоро увидимся.

Глава первая. Ключи

Квартира встретила тишиной.

Я стоял в прихожей и не мог снять куртку. В одной руке — пакет с продуктами, в другой — ключи. Ключи от квартиры, в которой я жил уже месяц. Один. Я купил её в двадцать пять. За наличку. Взял тогда две: одну себе, одну на сдачу. Мне казалось, это про будущее. Про семью. Мы будем жить здесь — я, она, может, кто-то ещё. Я не знал, что буду стоять в этой прихожей один, с пакетом из магазина, и не понимать, зачем пришёл домой.

Снял куртку. Повесил на крючок. Рядом висел второй. Пустой. Он пустовал уже месяц, но я всё равно каждый раз смотрел на него. Как будто ждал, что там что-то появится. Ничего не появлялось. Прошёл на кухню. Поставил пакет на стол. В нём были пельмени, хлеб, сыр и бутылка пива. Пива не хотелось. Ничего не хотелось. Но я взял. Потому что надо было что-то взять. Потому что если ничего не брать, то и домой идти незачем. Открыл холодильник. Пусто. Не в смысле еды — еда была. Пусто было по-другому. Раньше холодильник был забит. Она любила, когда много всего. Говорила: «Чтобы было ощущение дома». Я смеялся: «Дом — это не холодильник». А теперь стоял и смотрел на одинокую банку огурцов. Может, она была права. Может, дом — это и есть холодильник. Или что-то такое же простое. А я не понимал.

Закрыв холодильник. Сел за стол. Не включил свет. Сидел в темноте. За окном горели чужие окна. Люди жили. У них что-то происходило. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то просто смотрел телевизор. А я сидел в темноте на своей кухне и слушал, как капает кран. Кран капал уже неделю. Я собирался починить. Но не чинил. Пока он капает — есть звук. А если починить — будет тишина. Тишины я боялся больше, чем капающего крана.

Достал телефон. Открыл переписку с ней. Последнее сообщение от неё: «Я заберу вещи в субботу». Три недели назад. Вещи она забрала. Сообщение осталось. Я не удалял. Не мог. Как будто если удалю — всё, конец. А так вроде ещё не конец. Вроде что-то осталось.

Полистал вверх. «Ты во сколько?», «Купи хлеб», «Я тебя люблю». Обычные. Ничего особенного. Но я читал и чувствовал, как что-то сжимается в груди. Не боль. Что-то другое. Как будто внутри меня был воздушный шарик, и из него потихоньку выходил воздух. Медленно. Почти незаметно. Но выходил.

Закрыв телефон. Положил на стол. Встал. Прошёл в комнату. Не включая свет, лёг на диван. Уставился в потолок. Белый. Ровный. Ничего особенного. Просто потолок. Я лежал и думал: что дальше? Мне тридцать. Я здоров. Есть квартира. Две. Есть работа. Есть музыка. Есть книги, которые я пишу. Вроде всё есть. А внутри пусто. Как в том холодильнике. Еда есть, а дома нет. Закрыв глаза. Впервые за долгое время не стал ничего вспоминать. Не стал прокручивать. Не стал искать виноватых. Просто лежал. Слушал, как капает кран. Кап. Кап. Кап. Как будто время шло не минутами, а каплями. Я не знал тогда, что это и есть начало зимы. Не той, что за окном. Той, что внутри. Она пришла не в декабре. Она пришла в тот вечер, когда я стоял в прихожей с пакетом из магазина и не мог снять куртку. Пришла тихо. Как снег ночью. Я ещё не понимал, что она останется. Думал: пройдёт. Неделя, две, месяц. Я ещё не знал, что это не пройдёт. Что это не грусть. Что это климат. Я лежал на диване и слушал кран. И где-то далеко, за окном, шёл снег. Первый снег той зимы, которую уже не вернут.

2025

Трент Арнольд

Глава вторая. Суббота

Она приехала в субботу, в одиннадцать. Я знал, что приедет. Мы договорились за неделю. Я даже приготовился: убрал квартиру, вымыл пол, вынес мусор. Как будто ждал гостей. Как будто это был не развод, а приём. Не понимал, зачем это делаю. Просто делал. Наверное, хотел, чтобы она вошла и увидела: у меня всё нормально. Всё под контролем. Я справляюсь. Звонок прозвучал ровно в одиннадцать. Она всегда приходила вовремя. Это была одна из тех вещей, которые я в ней любил. А теперь не знал, что с этим делать. Любить её привычки было уже неудобно. Как носить куртку, из которой вырос, но выбросить жалко.

Я открыл дверь. Она стояла на пороге. В куртке, которую я подарил ей два года назад. Волосы собраны. Без макияжа. Я знал это лицо наизусть. Каждую морщинку. Каждый взгляд. Но сейчас оно было другим. Не злым. Не грустным. Просто чужим. Как будто она уже ушла. Ещё до того, как вошла.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — сказал я.

Мы стояли секунду. Две. Три. Никто не знал, что делать. Обняться? Нет. Поздороваться за руку? Глупо. Просто стояли. Как два человека, которые когда-то были близкими, а теперь не знают, как себя вести.

— Проходи, — сказал я. — Я всё собрал.

Она прошла. Сняла куртку. Повесила на тот самый крючок. Тот, который я месяц не мог выбросить. И на секунду мне показалось, что ничего не изменилось. Что сейчас она пройдёт на кухню, поставит чайник, спросит, как дела. Я даже почувствовал запах — её запах. Тот, который раньше был запахом дома. А теперь стал запахом прошлого.

В коридоре стояли коробки. Четыре. Я собрал её вещи сам. Не потому что хотел. А потому что не мог смотреть, как она это делает. Не мог видеть, как она вытаскивает свою жизнь из нашей квартиры. Я сложил всё: одежду, книги, косметику, мелочи, которые она оставила. Всё, что было её. Всё, что не моё. Она подошла к коробкам. Открыла первую. Посмотрела. Закрыла.

— Ты всё собрал, — сказала она. Не вопрос. Просто констатация.

— Да, — сказал я. — Всё.

— Спасибо.

Спасибо. Как будто я сделал ей одолжение. Как будто я курьер, который доставил посылку. Я хотел сказать что-то другое. Что-то важное. Но не знал что. Все слова, которые я готовил месяц, куда-то исчезли. Осталось только это дурацкое «спасибо» в ответ. Я не сказал его. Просто кивнул.

Она начала выносить коробки. Я стоял и смотрел. Не помогал. Не потому что не хотел. А потому что не мог. Если бы я взял коробку, я бы почувствовал её вес. А я не хотел чувствовать. Я хотел, чтобы это закончилось. Быстро. Как операция. Чтобы раз — и всё. Но это не заканчивалось. Это тянулось. Каждая коробка — как отдельная смерть.

На третьей она остановилась.

— Ты не поможешь? — спросила она.

Я посмотрел на неё. Она стояла в дверях. В руках — коробка. За спиной — лестничная площадка. Чужая. Холодная. Я подумал: если я сейчас подойду, если возьму коробку, если помогу — что это изменит? Ничего. Она всё равно уйдёт. Коробки всё равно уедут. Всё равно будет эта тишина. Эта пустая прихожая. Этот пустой крючок.

— Нет, — сказал я.

Она не удивилась. Не обиделась. Просто кивнула. И вышла. Дверь закрылась. Не хлопнула. Просто закрылась. Тихо. Как будто её и не было.

Я стоял в прихожей. Один. Смотрел на пустое место, где стояли коробки. На пол, где остались следы. На крючок, где висела её куртка. Пусто. Подошёл к окну. Посмотрел вниз. Она вышла из подъезда. Поставила коробку в машину. Вернулась за следующей. Я смотрел, как она носит свою жизнь. Как уезжает. Как становится прошлым. И ничего не чувствовал. Не боль. Не злость. Не тоску. Просто пусто. Как будто внутри меня выключили свет. Я стоял в темноте. Смотрел. Ждал, когда она уедет.

Она уехала через двадцать минут. Я стоял у окна ещё час. Смотрел на пустую парковку. На чужие машины. На людей, которые шли мимо. У них была своя жизнь. Свои субботы. Свои коробки. А у меня была пустая квартира и капающий кран. Я подошёл к крючку. Снял его. Открутил. Положил в ящик. Не выбросил. Просто убрал. Выбросить — это окончательно. А я ещё не был готов к окончательному. Потом сел на пол в прихожей. Прислонился к стене. И заплакал. Впервые за месяц. Не громко. Не истерично. Просто слёзы. Тихо. Я не понимал, почему плачу. Не потому что она ушла. Она ушла давно. Может, год назад. Может, два. Просто я не замечал. А сейчас заметил. И это было больнее, чем сама суббота. Я сидел на полу и повторял: вот и всё. Вот и всё. Вот и всё. Как будто заклинание. Как будто хотел, чтобы это стало правдой. Но правдой было другое. Правдой было то, что это только начало. Начало зимы. Начало холода. Начало чего-то, чего я ещё не понимал. И что будет длиться дольше, чем я думал. Кран на кухне всё капал. Кап. Кап. Кап. Я сидел на полу и слушал. И где-то далеко, за окном, шёл снег. Первый снег зимы, которую уже не вернут.

Глава третья. Первая ночь

Я не помню, как дожил до вечера.

Помню, что сидел на полу в прихожей. Потом встал. Потом куда-то шёл. Потом оказался на кухне. Потом — на диване. Время шло, но я его не чувствовал. Как будто меня выключили. Тело двигалось, а меня в нём не было.

К вечеру стало темно. Я не включал свет. Не хотел. В темноте проще. В темноте не видно, что квартира пустая. В темноте можно представить, что ничего не изменилось. Что она просто вышла. Что сейчас вернётся. Что всё как всегда. Я лежал на диване и слушал. Слушал тишину. Раньше я думал, что тишина — это отсутствие звука. Теперь знал: тишина — это звук. Она гудит. Давит. Заполняет всё. Как вода. Проникает в каждую щель. В каждую мысль. И ты лежишь в ней и не можешь дышать. Кран на кухне всё капал. Кап. Кап. Кап. Я считал. Один. Два. Три. Потом сбился. Потом начал заново. Это было единственное, что напоминало: время идёт. Я ещё живой. Я ещё здесь.

В какой-то момент я встал. Пошёл на кухню. Открыл холодильник. Свет ударил в глаза. Я зажмурился. Потом открыл. Внутри пусто. Банка огурцов. Полбутылки молока. Куриное яйцо. Одно. Я стоял и смотрел на это яйцо. И вдруг понял, что не помню, когда мы его купили. Может, она. Может, я. Может, оно вообще было здесь всегда. Как память. Как что-то, что осталось от прошлой жизни. Закрыв холодильник. Свет погас. Я снова оказался в темноте. И тогда понял: я не хочу есть. Не потому что сыт. А потому что не хочу. Впервые в жизни. Еда была просто предметом. Как стул. Как стол. Как кран, который капает. Она была, но не для меня. Для кого-то другого. Для того, кто ещё умел хотеть. Вернулся на диван. Лёг. Укрылся пледом. Плед был её. Она его оставила. Сказала: «Он мне не нужен». Я не спросил почему. Просто взял. И теперь лежал под ним. Чувствовал её запах. Тот самый. Который раньше был домом. А теперь стал чем-то другим. Чем-то, что болит.

Закрыв глаза. Попробовал заснуть. Не получилось. Мысли лезли в голову. Не злые. Не грустные. Просто мысли. Как она говорила. Как смеялась. Как злилась. Как спала. Как уходила. Я прокручивал это, как плёнку. И не мог остановить. Не потому что хотел. А потому что не мог. Потом подумал: а что дальше? Завтра. Послезавтра. Через месяц. Через год. Что я буду делать? Буду просыпаться. Ходить на работу. Возвращаться. Есть. Спать. И всё это — один. Без неё. Без кого-либо. Просто один. В пустой квартире. С капающим краном. С пледом, который пахнет ей. С яйцом в холодильнике. С крючком, который я снял и убрал в ящик.

Открыл глаза. Посмотрел в потолок. Тёмный. Ничего не видно. Только тень. И в этой тени я вдруг понял: это не на день. Не на неделю. Это не пройдёт завтра. Это теперь со мной. Надолго. Может, навсегда. Я не знал, что с этим делать. Не знал, как жить. Но знал одно: я не умру. Не умру от этого. Буду жить. Просто по-другому. Просто в холоде. Встал. Пошёл в ванную. Включил свет. Посмотрел в зеркало. Оттуда смотрел человек. Тридцать лет. Уставший. С пустыми глазами. Я не узнал его. Это был не я. Кто-то другой. Кто-то, кто остался после неё. Кто-то, кого я ещё не знал. Умылся. Холодной водой. Долго. Пока не замёрзло лицо. Потом выключил свет. Пошёл обратно. Лёг. И впервые за этот день почувствовал что-то. Не боль. Не злость. Не тоску. Усталость. Просто усталость. Как будто я весь день носил что-то тяжёлое. И теперь наконец поставил. Закрыв глаза. Заснул. Не крепко. Не глубоко. Просто заснул. И где-то во сне слышал, как капает кран. Кап. Кап. Кап. Как будто кто-то считал мои ночи. Одну за другой. И где-то далеко, за окном, шёл снег. Первая ночь зимы, которую уже не вернут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.